

УДК 811.111'42:811.161.1 (045)

Иванов Артур Эдуардович
аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь,

Artur Ivanou
Postgraduate Student of the Department
of Specheology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
arthur_ivanov94@mail.ru

**МОДЕЛЬ КООПЕРАТИВНОСТИ ОБЩЕНИЯ
В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ**

**THE MODEL OF SPEECH COOPERATION
IN CONVERSATIONAL DISCOURSE**

Статья посвящена проблеме соблюдения правил речевого общения при актуализации кооперативных стратегий в разговорном дискурсе на английском и русском языках. В результате проведенного исследования были выявлены следующие типы модификаций

коммуникативного кодекса: лингвокультурные, дискурсивные (функциональные) и субъективные. Определена модель трансформаций в процессе построения кооперативной программы общения. Установлена частотность употребления каждого типа модификаций в англо- и русскоязычном разговорном дискурсе.

Ключевые слова: разговорный дискурс; правила речевого общения; кооперация; кооперативные стратегии и тактики; лингвокультура; дискурсивные роли.

The paper discusses the role of pragmatic principles in the process of implementing cooperative strategies in English-language and Russian-language conversational discourse. The following types of communicative code modifications have been identified: linguocultural, discursive (functional) and subjective. The research also determines a model of transformations relevant for the construction of a cooperative programme of communication. The frequency of modifications in the given discourse type is determined.

Key words: conversational discourse; principles of pragmatics; cooperation; cooperative strategies and tactics; linguoculture; discursive roles.

К началу XXI века в языкознании сформировались и укрепились несколько концепций понимания кооперативности человеческой коммуникации. В частности, был разработан принцип кооперации Г. П. Грайса, согласно которому вклад каждого из коммуникантов соответствует цели общения, выработанной совместно [1]. Позднее Дж. Личем был постулирован принцип вежливости, сущность которого заключается в существовании шести максим общения, а именно максим такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии, поддерживающих дружеские отношения между собеседниками, способствующих укреплению социального равновесия и взаимопомощи в обществе [2]. Одним из главных правил речевого общения признается принцип сохранения лица П. Браун и С. Левинсона, в соответствии с которым у каждого индивида есть «позитивное лицо» (формирование положительного имиджа в глазах коммуникативного партнера) и «негативное лицо» (стремление оберегать и защищать свободу своих действий) [3]. Все вместе упомянутые выше принципы речевого общения, их максимы и постулаты формируют коммуникативный кодекс говорящего, направленный на поддержание эффективной, бесконфликтной, приемлемой для всех участников речевой интеракции.

Тем не менее до сих пор остается актуальным вопрос кооперативности используемых коммуникантами речевых действий в контексте стратегичности коммуникации. Так, к настоящему времени сформировались два подхода к пониманию данной проблемы. Согласно первому из них, оппозиция кооперативность–конфронтационность является перманентной характеристикой практически любой коммуникативной стратегии, в том числе тех, которые зачастую рассматриваются как классические бесконфликтные, например, утешение [4; 5; 6]. Это объясняется рядом причин: во-первых, употреблением неконвенциональных коммуникативных ходов, во-вторых, несоответствием уровней понимания используемых собеседниками стратегий [4, с. 42].

Согласно второму из них, выделяются глобальные стратегии – кооперации, конфронтации и дистанцирования, сущность которых заключается в определении направленности партнеров по общению, т.е. «на собеседника, против него или его игнорирование» [7, с. 9], другими словами, их установки на общение [8, с. 27]. Следует подчеркнуть, что данная концепция также основывается на существующих принципах речевого общения, однако ее отличие заключается в постулировании глобальной, более общей цели коммуникации. В случае кооперации такой целью является стремление наладить и поддержать дружеские, миролюбивые отношения, и впоследствии данная гиперстратегия реализуется набором более частных. Подобная концепция более приемлема для проведения данного исследования: изучается только один тип дискурса – разговорный, а материалом послужили сугубо кооперативные контексты. Тем не менее, на наш взгляд, приведенные выше подходы отличаются уровнем абстракции и в то же время не противоречат друг другу, а выбор одного из них в качестве основания для проведения исследования зависит от его конкретных целей и задач.

Однако на фоне сказанного важным представляется вывод о том, что принципы речевого общения, обеспечивающие его кооперативность, не являются универсальными и могут преломляться в зависимости от различных условий. В соответствии с данным тезисом одной из задач настоящего исследования является установление причин вариативности параметров кооперативной коммуникации, а целью – определение модели кооперативности (или кооперации) в разговорном дискурсе на английском и русском языках в контексте тактико-стратегического подхода. Материалом для исследования послужили 300 англо- и русскоязычных диалогов, изолированных из художественных фильмов британского и белорусского производства. Необходимым для соблюдения условием отбора являлось то, что в каждом из диалогов реализуется хотя бы одна кооперативная стратегия.

Как уже отмечалось, универсальные принципы речевого общения могут быть модифицированы под воздействием нескольких условий. П е р в ы м из таких факторов является тип дискурса: правила могут трансформироваться, а также ранжироваться по критерию релевантности в зависимости от сферы употребления [9, с. 20]. Данное условие, однако, не совсем актуально для настоящего исследования, поскольку в работе рассматривается исключительно разговорный дискурс и его характеристики.

В т о р ы м фактором различного понимания правил речевого общения, имеющим большое значение при выборе стратегической программы, выступает лингвокультурная специфика коммуникативного поведения носителей того или иного языка, что указывается в ряде фундаментальных работ по прагматике [10; 11; 12]. Принципы, разработанные Г. П. Грайсом, Дж. Личем, П. Браун и С. Левинсоном, во многом критикуются отечественными и российскими учеными в силу их большей применимости в условиях англоязычной культуры, другими словами, ввиду большего учета рече-

поведенческих характеристик носителей английского языка [8; 11; 12]. В этой связи целесообразно привести пример русскоязычного диалога, демонстрирующего описанную выше тенденцию. В следующем эпизоде коммуникант А рассказывает своей близкой подруге (коммуниканту Б) о произошедшем с ее коллегой случае, а также выражает свое мнение по поводу сложившейся ситуации:

А: У него проблемы. Понимаешь?

Б: Он ликвидатор. Скажи честно.

А: Да ты что?!

Б: Или на атомной подводной лодке служил? Ой, ну, просто невероятно! У меня был такой «пациент»... Так намучилась, ты себе не представляешь.

А: Не, не угадала. У него психологическая травма! У него недавно девочка на столе умерла!

Б: Ах, ну, просто ужас! Какие страшные вещи творятся в мире. Вот я не думала. Ну, ты сама-то не нервничай.

А: Нет, он все правильно сделал, все, что мог. А теперь у него стресс, скальпель в руки взять не может. А хирург знаешь какой! От Бога!

Б: Ага-ага, молодец какой, ты посмотри! Бывает же такое! Я, правда, тоже таких встречала.

А: И добрый. Ты знаешь, по-настоящему такой добрый парень.

Б: Ой, кошмар... А ты его утешаешь, да? Тут утешаешь, как можешь.

На первый взгляд речевое поведение коммуниканта Б может быть расценено как некооперативное, поскольку, с одной стороны, он нарушает постулат релевантности, предписывающий придерживаться заданной темы (*у меня тоже был такой пациент*), с другой – постулат категории количества, демонстрируя излишнюю эмоциональную реакцию на реплики коммуниканта А (*Бывает же такое! Ах, ну, просто ужас!*). Тем не менее, согласно имеющимся в научной литературе указаниям на открытость и участие представителей белорусской лингвокультуры [13, с. 114], а также в целом большей эмоциональности носителей русского языка по сравнению с носителями английского [14], можно заключить, что речевая партия коммуниканта Б является адекватной сложившейся ситуации и может быть признана кооперативной. Данный тезис правомерен также по той причине, что реплики коммуниканта Б не вызывают негативной реакции у собеседника и частично могут быть эксплицированы максимами симпатии и одобрения Дж. Лича. Рассматриваемый диалог является примером реализации кооперативной стратегии искренности, актуализируемой тактиками признания (*у него девочка на столе умерла*), призыва к откровенности (*скажи честно*) и выражения эмоционально-чувственного состояния, сопряженного с аналогичным состоянием партнера по интеракции (*ой, кошмар*).

Коммуникативное поведение носителей английского языка в гораздо меньшей степени подвержено нарушениям правил речевого общения.

Несоответствия коммуникативному кодексу общения чаще всего возникают в силу условий того или иного дискурсивного пространства. Так, в англоязычном разговорном дискурсе было отмечено более частотное употребление тактики нарратива (повествование о личном жизненном опыте), при помощи которой коммуниканты устанавливают доверительные, близкие отношения. В некоторых случаях такое поведение может рассматриваться как нарушение постулата категории количества, однако в рамках разговорного дискурса оно допускается и может быть интерпретировано расширением принципа кооперации принципом функционализма, предложенным А. Н. Барановым [9]. Суть данного принципа заключается в существовании различных норм текстовой деятельности. Примером репрезентации описанной ситуации служит следующий контекст: (А) *I didn't know how he'd been in the meantime. I didn't want to guess, really, 'cause I'd brought disgrace on him and his family <...> He's had a peaceful life and, he's never forgotten me* «Я не знал, где он был все это время. Даже думать не хотел, потому что навлек позор на него самого и его семью. У него была спокойная жизнь, и он всегда помнил обо мне». – (Б) *Top of the mountain* «Вершина горы».

Третий фактор, потенциально способствующий нарушению как глобального принципа кооперации, так и коммуникативного кодекса в целом, заключается в неравномерной перцепции коммуникантами речевой партии друг друга [4]. Другими словами, участники общения могут по-разному оценивать интенции и их языковую реализацию, что может приводить к ситуации, в которой кооперативная стратегия, продуцируемая одним говорящим, воспринимается как некооперативная другим. Тем самым точно определить кооперативность/некооперативность общения не представляется возможным в силу «субъективной интерпретации коммуникативной ситуации ее участниками» [4, с. 44], а также их различной трактовки правил речевого общения. В следующем эпизоде из художественного фильма на английском языке муж (коммуникант А) пытается поддержать заболевшую жену (коммуникант Б), признаваясь в своих чувствах:

А: *I love you* «Я люблю тебя».

Б: *I know* «Я знаю».

А: *I love you even when you're sick and look disgusting* «Я люблю тебя, даже когда ты болеешь и отвратительно выглядишь».

Б: *Go, or you'll actually miss it* «Иди давай, или опоздаешь».

А: *Did I mention that I love you?* «Я сказал, что люблю тебя?»

Б: *Yes, you did, get out, loser [smiles]* «Да, сказал, иди уже, неудачник [улыбается]».

Приведенный выше фрагмент может служить демонстрацией нарушения постулатов категории способа и категории количества со стороны коммуниканта А, который пытается усилить воздействие, повторяя одинаковые по смыслу реплики и актуализируя свою дискурсивную роль – «доброжелатель», «заботливый» (*I love you, did I mention that I love you?*).

Коммуникант Б в некоторой степени раздражен по этому поводу, однако выходит из ситуации, придавая финальной фразе шуточный тон (*Yes, you did, get out, loser [smiles]*). С точки зрения коммуниканта А, его поведение является кооперативным, поскольку ситуация требует от него дополнительной заботы и внимания, что и обусловило выбор в пользу реализации партии «благожелателя». Тем самым диалог служит ярким примером субъективной интерпретации стратегий искренности и солидаризации, а соответственно, и дискурсивных ролей коммуникантов, основанной на различном понимании правил речевого общения. В то же время речевые партии обоих партнеров могут быть признаны кооперативными с определенной долей условности.

В примере на русском языке можно зарегистрировать аналогичные тенденции. Мать (коммуникант А) и сын (коммуникант Б) обсуждают недавнюю ссору сына с отцом:

А: *Напрасно ты о нем так. Он о тебе заботится.*

Б: *Конечно, напрасно. Ему можно, а мне нельзя.*

А: *Ты не прав, мы все тебя очень любим и беспокоимся о тебе.*

Б: *А я кругом не прав. Не марширую в этой долбанной академии, не прав, музыку играю не ту...*

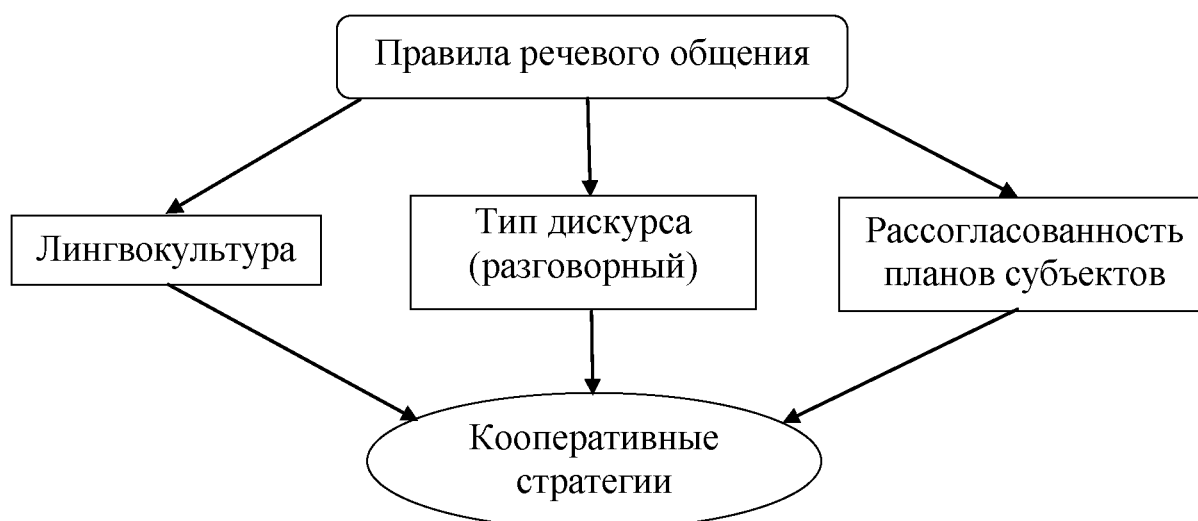
А: *Звонила сестра Марта, она тоже нервничает. Спрашивала о тебе. Я ей ничего не сказала.*

Б: *Марта... Спасибо.*

В данном диалоге коммуникант А осуществляет речевую партию «утешителя», пытаясь оказать эмоциональную поддержку коммуниканту Б (*мы все тебя очень любим*), который также проявляет недоверие по отношению к собеседнику. В то же время такое коммуникативное поведение не воспринимается коммуникантом Б как кооперативное, поскольку нарушает постулаты категории качества и отношения – «Не говори того, что считаешь ложным» и «Не отвлекайся от темы». Тем не менее последняя реплика (*спасибо*) демонстрирует определенную эффективность стратегии солидаризации, актуализируемой коммуникантом А, что в итоге позволяет рассматривать речевое взаимодействие участников диалога как кооперативное.

Особый интерес для исследования также представляют диалогические контексты, в которых наблюдаются сразу два типа трансформации кооперации, например, по причине соответствия определенному типу дискурса, в результате которого возникает модификация, а также в силу последующей рассогласованной интерпретации.

В заключение следует отметить, что соблюдение правил речевого общения служит залогом эффективной коммуникации. Тем не менее они не являются универсальными и в процессе выбора стратегий и порождения высказывания могут трансформироваться, проходя через несколько «фильтров». Модель построения такого типа коммуникации можно представить следующим образом (рисунок).

Модель формирования кооперативных стратегий в разговорном дискурсе

Сущность приведенной выше модели заключается в том, что основой кооперативных стратегий являются правила речевого общения, которые в определенных условиях могут трансформироваться, проходя через несколько «блоков». В результате такой модификации коммуникативного кодекса возникают упомянутые выше типы нарушений, под воздействием которых, тем не менее, стратегии не становятся менее кооперативными ввиду отсутствия негативного результата взаимодействия и сохранения эффективности и бесконфликтности общения. Проведенный анализ позволил установить, что в результате влияния лингвокультуры, к которой принадлежат носители языка, правила речевого общения могут меняться в 17 % случаев в английском языке и 39 % в русском. Данное различие обусловлено ориентированностью принципов кооперации, вежливости и сохранения лица на англоязычные лингвокультуры [11, с. 205] и отражается в соответствующей частотности употребления кооперативных стратегий и реализующих их тактик. Тип дискурса также имеет большое значение и влияет на трансформацию коммуникативного кодекса в 40 % случаев от общего количества нарушений в английском языке и 33 % в русском. Третьим фактором воздействия признается неравномерное понимание правил речевого общения партнерами по интеракции, что в итоге приводит к несоответствию продуцируемой и воспринимаемой дискурсивной роли (например, *утешитель* интерпретируется как *отдающий приказы*). Подобные трансформации регистрируются в 43 % случаев в англоязычном разговорном дискурсе и 28 % в русскоязычном, что зачастую отражается в различном наборе дискурсивных ролей при реализации кооперативных стратегий. Указанные модификации правил речевого общения подлежат учету при проведении исследований в области прагматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Grice, H. P.* Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics / P. Cole, & J. L. Morgan (Eds.). – N. Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – P. 41–58.
2. *Leech, G. N.* Principles of pragmatics / G. N. Leech. – N. Y. : Longman Group Limited, 1983. – 250 p.
3. *Brown, P.* Politeness : some universals in language usage / P. Brown, St. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. – 345 p.
4. *Задворная, Е. Г.* Некооперативные кооперативные стратегии / Е. Г. Задворная // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 19–20 апр. 2019 г. : в 5 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Л. А. Тарасевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Ч. 3. – С. 42–44.
5. *Кошкарова, Н. Н.* Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. Н. Кошкарова. – Екатеринбург, 2015. – 441 л.
6. *Радюк, А. В.* Функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик в английском деловом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Радюк. – М. : ФГОБУВПО МГИМО, 2013. – 226 л.
7. *Певнева, И. В.* Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Певнева. – Кемерово, 2008. – 19 с.
8. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
9. *Баранов, А. Г.* Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 180 с.
10. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
11. *Ларина, Т. В.* Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Т. В. Ларина. – М., 2003. – 495 л.
12. Русское повседневное общение: прагматика, культурология / И. Н. Борисова [и др.]; под науч. ред. проф. И. Н. Борисовой. – Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 2018. – 442 с.
13. *Ключенович, Т. П.* Этнолингвистическая специфика авторской ремарки в конструкциях с чужой речью (на материале белорусской и британской художественной прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. П. Ключенович. – Минск : МГЛУ, 2019. – 30 с.
14. *Стернин, И. А.* Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж, 2003. – 185 с.

Поступила в редакцию 17,05,2021